

18+

Андрей Агафонов

Мама кома

Андрей Агафонов

Мама кома

«Издательские решения»

Агафонов А.

Мама кома / А. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532534-1

В этой книге собраны три рассказа, объединенных автором, а также временем, местом и обстоятельствами написания, а более, кажется, ничем. Все рассказы также выпускались отдельными книгами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-532534-1

© Агафонов А.
© Издательские решения

Содержание

О мама, где же ты?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мама кома

Андрей Агафонов

© Андрей Агафонов, 2021

ISBN 978-5-0053-2534-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О мама, где же ты?

– А я напоминаю, что сегодня для вас играли, – заливался ведущий под нестройные хлопки зала, – Игорь Демин, гитара, вокал! (ссссоло!), Юрий Фокин, ударные! (дробь), Сергей Кузнецов – клавишные, вокал! Сергей?

Клавишник отбросил волосы со лба, лениво пробежался пальцами по «Ямахе».

– Сергей Кузнецов! Бас-гитара...

Дальше он не слушал, прыгнул со сцены, брел по проходу к себе. Никто его не останавливал.

Разговор накануне получился неожиданно жестким. Стас был холоден:

– Серега, незаменимых нет. Едешь с нами – договор в силе. На нет и суда нет.

– То есть он будет рот разевать, а я...

– Тебя раньше все устраивало? Что поменялось-то?

– Поменялось то, что мы теперь звезды. То есть вы.

– Ну и что ты хочешь?

– Новый договор.

– Нет.

– Вот так просто? – Сергей растерялся. – Мы восемь лет вместе, и ты мне вот так просто говоришь «нет»? И все?

– И все, да.

– Я тоже могу пойти на принцип.

– Серега, – Стас сузил глаза и заговорил тихо: – Ты можешь даже на хуй пойти.

Вот и поговорили...

Сергей шел по улице Маркса, состоящей из приземистых купеческих особняков. Все они были изрядно обшарпаны. На перекрестке Маркса и Ленина блестела как рафинад четырехэтажная резиденция областного КГБ, огороженная двухметровой чугунной решеткой. Так, «не доходя...» Он выудил из кармана узких джинсов клочок бумаги, посмотрел адрес, свернул направо, в арку. Во дворе увидел небрежно побеленное здание с ведущей в подвал дверью. Недоуменно пожал плечами, подошел, дернул ручку – разбухшая дверь с трудом, но подалась. Перед ним был тусклый коридор, какие-то тени маячили в коридоре.

– Простите, это телецентр?

– Да! Да! Проходите! – вскричала женщина в цветастой шали, выбегая откуда-то из глубин. – Вы же Сергей Кузнецов? «Рассвет»?

– Я, я. На закате, – буркнул он себе под нос.

– Ну так проходите, мы же вас ждем же!

Она втащила его в ярко освещенную студию, окна были занавешены изнутри плотной синей тканью. Над столом висел на какой-то веревке угрожающе огромный микрофон. Оператор за камерой был похож на фашистского пулеметчика. Сергей поежился.

Восемь лет назад, после института, они втроем перебирали разные названия: англоязычные, с какой-то игрой слов, откровенно дурацкие, всякие поющие, ревущие, россияне, славяне, древляне, по названиям городов (но Москва и Санкт-Петербург оказались заняты, а другие как-то не вдохновляли), в конце концов остановились на перспективном «Рассвет». И не придерешься, сколько совхозов с таким названием, и намек на «Радугу». Тут же сочинили визитку с рефреном «Радость и бред, солнце и свет, тающий след – это рассвет!» и риффом с альбома Uriah Heep 1970 года. На концертах они в основном и играли хард – «Рэйнбоу», «Юрай Хип», «Дип Перпл», «Грэнд Фанк», «Квайет Райот». А на худсовете – песни советских композиторов...

Потом Стас нашел басиста Васю, у которого была модная болгарская гитара «Орфей». Еще у Васи был папа-генерал, что очень облегчало жизнь всем рассветовцам, или, как их любовно называл Саша Градский, «даунам». Через пару лет работы по захолустным ДК Стаса сменил на барабанах Юра Фокин, потому что кто-то должен был договариваться о концертах, писать рапортчики, следить за деньгами и дружить с членами Союза композиторов, а Игорь и Сергей не претендовали.

В канун 1979-го Стас собрал группу у себя на флэту и объявил им с гнусавым акцентом:

– Со следующего года обещаю сделать бизнес д-ашей семьи пол-д-остью легальным.

– Какой семьи? – не понял Юра.

– То есть легальным? – не понял Игорь.

– Объясняю, – вздохнул Стас, – припишемся к какой-нибудь филармонии и будем получать свои десять сорок за концерт без головняков и товарища майора.

Сергей многозначительно покосился на Васю. Стас мотнул головой – не то ведомство.

– Так это, – замялся Игорь, – это ж про БАМ надо будет петь.

– Надо будет, споем, – отрезал Стас, – или у тебя другие предложения?

Игорь недовольно тряхнул красивой головой.

– Серый? – Стас смотрел на него с фирменной кривой ухмылкой.

– Я как купечество...

– А я против, – восстал Вася внезапно. – Я не за башли.

– Вычеркиваем, – пошутил Стас. Или не пошутил?..

Так они здесь и оказались. Уже без Васи. Басиста взяли из «Воскресенья», он как раз скитался неприкаянным после очередного полураспада группы. За три года прочесали Урал и Сибирь до самого Иркутска, лечились во всех попутных КВД, несколько раз были избиты, дважды лишились аппарата, а потом вдруг из Москвы позвонил одноклассник Стаса и большой комсомольский начальник и посоветовал «не торопясь, но срочно» готовить программу для фестиваля в Сочи. Кроме старого хита «Рассвет грядет», в заглавнике были только хулиганские частушки и все те же песни советских композиторов в обрыдлом наборе «Кто тебе сказал», «Люди встречаются» и «Как прекрасен этот мир». Втроем – Игорь, Сергей и Стас – сели творить.

– Я там, где закаты багровые, – ожесточенно шипел Стас, терзая струны в экстазе, – я там, где плакаты «Вперед!» Где песни рабочие, новые слагает совейский народ...

– Может, воскресенских возьмем? – предложил Игорь.

– Ты не вытянешь, – усмехнулся Сергей.

– Ну ты-то вытянешь, – моментально вскипел Игорь. В последнее время с ним такое случилось. Лидер-гитаристом был он, соответственно, и вокалистом тоже был он. При этом все трое знали, что главная вокальная нагрузка всегда была на Кузнецове, который стоял с «расческой» сбоку и не отвечивал.

– Спокойно, оба, – цыкнул Стас, – какие воскресенские, ты бредишь? Мне это все литовать еще. Сами сочиняйте.

– А музыку? – съязвил Сергей.

– А музыку можно взять... вон... – Стас кивнул на стопку фирменного винила рядом с «Арктуром», – где и они.

Интервью было скучным. О последнем показе по телевидению, о зарубежных поездках – все это он рассказывал уже раз тридцать. Но отгарабанил снова, напомнив себе, что теперь это не его настоящее, это теперь настоящее Стаса, Игоря, Юры... а его прошлое.

– Расскажите о начале вашего творческого пути, – снисходительно предложила Валентина, кутаясь в шаль.

– Да ну что, какое там начало... Играть начал в институте, потом отработал по распределению три года, уволился и уже полностью посвятил себя... музыке... – последнее слово он промямлил. Ему было стыдно.

– То есть это стало вашей профессией?

– Ну как. Мы играли на танцах, на праздниках там каких-то. Что-то зарабатывали этим, конечно.

– А кто вы по образованию, Сергей?

– Инженер.

– Что же получается? – Валентина плавно повела плечами. – Государство пять лет потратило на ваше обучение, а вы пошли на танцах играть?

– Гос-с-сударство? —при вспышках гнева Сергей начинал немного заикаться. – Вы в нашу областную филармонию часто х-ходите?

– Конечно, – горделиво сказала Валентина, судорожно соображая про себя, когда была там в последний раз.

– Там работает д-двести человек. Не считая руководства. А кассу делает только группа. За с-себя и за т-того парня.

– Не все можно измерить деньгами!

– Тогда о чем мы говорим? Государство на меня потратило что?

– Хорошо, – поджала губы Валентина, кивая кому-то по ту сторону камеры, – продолжим.

Расскажите о своих творческих планах.

Сергей посмотрел на журналистку внимательнее. Крупные черты лица, подвижные жирные губы в каких-то трещинках. Не слишком тщательно вымытые волосы. Он не мог понять, что за человек перед ним. Он в принципе не очень хорошо разбирался в женщинах, тем более – в женщинах, которые ему не нравились. Чувствовал, что сам не нравится ей, хотя и не понимал причины. Насколько искренне она спрашивает? Добивается ли скандала? Не работает ли на здание неподалеку? Может быть, она просто тупая? Очень может быть...

– Я в творческом отпуске, – ответил он, выдержав паузу, – думаю, в каком направлении развиваться дальше. Ну и заканчиваю училище культуры, как вы знаете.

– Серега!

– А? – он поднял голову и посмотрел на Игоря исподлобья. Уже несколько часов они вдвоем копались в пластинках Стаса, умчавшегося на встречу.

– Тебе не кажется, что мы всю жизнь занимаемся какой-то херней?

Сергей пытался понять, не продолжение ли это недавней ссоры. Но вроде нет, вопрос звучал серьезно, спокойно и грустно.

– То есть?

– Ну вот мы же музыканты. Ты лучше, я хуже. Да, да, заткнись. Но тем не менее. Столько лет копаемся в говне и делаем говно. А могли бы играть что-то свое. Как вот эти, – мотнул подбородком на пластинку Breakfast in America. – Они творят что хотят. А мы только снимать можем. И то коряво.

– Слушай, я так сильно не задумывался, – Сергей провел пальцами по усам. – Я детдомовский. У меня нет претензий на гениальность. Я просто жить хочу хорошо. Мы же деньги зарабатываем.

– Ты не Вася, я понял...

– Не Вася, – удрученно помотал головой Сергей. – И папы-генерала у меня нет.

Оба замолчали.

– Там, там, там, – принялся вполголоса мурлыкать Сергей, – там, там... я сам... Я вижу сам, я знаю сам, что там... спасибо небесам... Какой секрет, и в чем секрет... И жизни нет, и счастья нет... А у меня такая блажь, я просыпаюсь... эээ... а у меня...

Он сел за пианино и начал подыгрывать себе.

– А у меня такая блажь, машина делает вираж, милиция впадает в раж, но я ловлю теперь кураж... – форте.

– Слова говно, а музыка ничего так... – заметил Игорь, беря гитару.

К вечеру они сделали три песни.

– Расскажите о ваших увлечениях, что это – спорт, живопись?

– Почему спорт?! – поперхнулся чаем Сергей.

– Ну как же, у вашей группы столько песен о гонках, виражах, взлетах...

– Да. Часто бывает так, что образ артиста не совпадает с реальным человеком.

– Понятно, – поджала губы Валентина, – так же, как все, как все, как все, я по земле хожу, хожу...

– Вроде того.

– Кстати, о личной жизни!

– Отсутствует.

Он как будто видел мысль, бьющуюся в крупной голове Валентины, как летучая мышь: что же еще спросить, что же еще спросить, как вы мне все надоели. Но помогать ей не собирался.

– Привет, звезда! – Сергей обернулся. Его догоняли, улыбаясь, парень с девушкой – парень в белой рубашке с расстегнутым воротом, с болтающимся на шее полароидом, девушка в узкой юбке, черноглазая, худенькая как спичка. Сван со своей спутницей. Аней, кажется. Они познакомились на днях... где-то...

– Куда спешишь?

– Да никуда, в общем.

– Пойдем с нами, есть кое-что! – Сван подмигнул.

Возле драмтеатра Аня попросила Свана сфотографировать ее с Сергеем. Прильнула к руке, задела бедром.

Затем взяли портвейна и отправились к Свану домой. Жил он на первом этаже пятиэтажки за обкомом партии. Один, ну, или, может быть, с Аней.

Дома Сван поставил кассету *Einstürzende Neubauten*, взглянул на Сергея вопросительно – поймет ли, оценит ли (Сергей кивнул одобрительно) – сел за стол, вытряхнул из пачки «Беломора» папиросу, пальцами вытрусил табак. Аня стояла за ним, положив руки ему на плечи. Они были красивы и подходили друг другу. Как чайная пара.

Сергей подумал, что с удовольствием рассказал бы им, как пишет песни, как приходят стихи. Но они не спрашивали. Разговор был больше о фильмах (Сван жил в двухстах метрах от центрального кинотеатра). По вечерам понедельников там, оказывается, проходили какие-то кинолектории. Вот на той неделе показывали «Ночи Кабирии».

– И тетка такая встает, – смеялась Аня, – и говорит: «я искусствовед, это фильм о проститутках, давайте уберем детей из зала!» А дети это типа мы!

Сван усмехался.

– Пойдешь с нами на «Солярис»? – спросила Аня.

– В понедельник? Да, наверное, я могу, – Сергей ничего не понимал в кино.

«Какие милые люди, Аня и Сван», – думал он. Мысль застряла и мерцала в голове. Аня встала, слегка покачнувшись, потянула его за локоть: «Идем!» Сван усмехнулся, нажал на клавишу, крышка кассетоприемника с грохотом отскочила, он вынул кассету, вставил другую, нажал на Play. Комнату заволочло дымом. Немного мутило от портвейна и андеграунда. Сергей вышел вслед за Аней в другую комнату, спустя какое-то время обнаружил себя полулежащим у стены. Аня трудилась ртом. Он наблюдал это как будто со стороны. Член торчал, но никакого возбуждения он не чувствовал, только физический дискомфорт. Он наклонился, взял ее за плечо, встряхнул:

– Извини, не получится.

Натянул джинсы и вышел, на ходу застегивая ремень.

В окне сзади мелькнула белая фигура Свана.

– Не могу не спросить напоследок. Это правда, что в маленьких городках при выступлении вашей группы отключается все остальное электричество?

– Конечно, правда. Все? – Сергей начал вставать, оператор угрожающе замахал руками. Сергей все же встал. – Знаете, Валентина, я всегда считал, что спортивные комментаторы у нас в стране самые тупые. Я ошибался. До свидания.

– Ты – морж!

– Я кто? – Сергей рассмеялся.

– Ну морж. Как у битлов. Замогильный персонаж. От тебя холодом веет. Кому захочется на твое рыло в телевизоре смотреть? Сам подумай. А Игорька причешем, умоем...

– Стас, да я разве против, – в душе он, конечно, был против, хотя и не мог бы объяснить, почему. – Пусть будет Игорь.

– Ну вот и решили, – Стас хлопнул его по колену и бодренько поднялся. – Кстати, эта Светлана говорит, если съемка пойдет в народ, снимем еще пару-тройку роликов. Ну-ка улыбнись! Да. Морж...

Так и вышло, что в передаче Центрального телевидения песню «Вирази» вдохновенно исполнял Игорь Демин сдавленным голосом Сергея Кузнецова. Светлана оказалась очень строгим редактором и настоятельно попросила «не хрипеть, никакого рока». Пару раз в ролике мелькал клавишник Кузнецов, немного похожий на моржа.

Поначалу он не обижался – Стас жлобом не был, в отличие от Мелик-Пашаева, давал и пацанам заработать, особенно что касалось аппаратуры. Благодаря его коммерческому гению группа уже несколько раз побывала в странах соцлагеря, туда везли водку, оттуда очки солнцезащитные, кроссовки, гитары... Как-то постепенно выяснилось, что Стас уважаемый человек, поговаривали, что он чей-то то ли внук, то ли племянник, но в любом случае – на короткой ноге с Кобзоном, а это, сами понимаете...

Иосиф Давыдович и познакомил Стаса с маститым украинским песенником Алексеем Жевуном. Жевун искал себе аккомпанирующий состав, пел он, правда, довольно противно, но обладал очень обширными связями. По крайней мере, дисков-гигантов имел уже три, больше было только у Пугачевой.

Оставалась мелочь – перебраться из солнечного Зауралья в гостеприимный Харьков. Но сперва подписать договор. А в договоре Кузнецову как «участнику группы» причиталось 16 рублей за концерт – и, собственно, все. Он не числился автором песен, тем более солистом. Пересматривать же условия договора Стас отказывался категорически, здраво рассудив, что Кузнецова без группы никто не знает и никто не возьмет, так что куда он денется.

Надо было зайти в филармонию, забрать инструмент, пока Ароныч в Москве (директор филармонии, как и Стас, проводил больше времени в Москве, чем по месту прописки). А то начнутся расспросы, допросы, отеческие увещевания...

По пути, а в этом городишке все было по пути – вот Ленина, вот Маркса, вот улица Советская, здесь и проистекает вся жизнь – решил завернуть к Витюше Микушину, в радиоузел. Витюша, крайне жизнерадостный мужчина с рыжими усами, полным ртом золота и внушительным животом, как раз дискутировал с каким-то пацаном о новой музыке.

– Саша Барыкин играет не очень технично, но вкусно, – говорил он, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, – о, Серега, скажи! Привет!

– Ага, – буркнул Сергей, плюхаясь в облезлое кресло. Барыкина он терпеть не мог.

Мимо него в тесное помещение радиоузла, забитое аппаратурой, протиснулся горбатый чернявый мужичок с магнитофонной катушкой:

– Витя, ты хуйню мне какую-то записал! Такое качество пятнадцать рублей не стоит! Давай хоть десять.

Микушин насупился, взял у горбатого катушку, поставил на один из двух новеньких «Олимпов». Колонки S-90 мягко гавкнули. Хрусталем зазвенело фортепиано. Кто-то запел невозможно высоким, сказочным голосом.

– Кто это? – спросил Сергей у пацана.

– Gentle Giant, – ответил тот тихонько.

– Хуйню, говоришь? – ухмыльнулся Микушин.

Щелкнула ручка перемотки. Толстые пальцы Витюши впились в зеленую и красную кнопки. Стерев несколько секунд, он снова включил перемотку. Опять стер.

– Витя, ну кончай, – взмолился горбатый. Но Микушин раз пятнадцать перематывал, стирал, перематывал... Когда катушка забилась в экстазе, хлеща ракордом по корпусу, снял ее с магнитофона и бросил горбатуму в руки:

– На тебе на десятку.

Горбатый испарился.

– Чай будешь? – спросил Микушин у Сергея.

– Давай.

– Смотрел вчера?

– Ага.

– Лохам впаривать по пятерочке! Ха-х-ха-ха!

Посмеялись.

– Вот, Андрюха, – сказал Микушин пацану, – знакомься, Сергей Кузнецов.

Пацан недоуменно пожал плечами.

– Радость и бред! – Микушин растопырил пальцы левой руки, скрючил пальцы правой, как бы играя на гитаре, прикрыл глаза, затряс головой. – Солнце и свет! Тающий след! Это рассвет!

– А, вы музыкант! – сообразил пацан.

– Он, блядь, не просто музыкант. Он это и поет! Наташка, выйди! Не видишь, тут взрослые дядьки разговаривают.

Неприметная светленькая девочка скрылась за дверью радиоузла. Сергей заметил, как пацан посмотрел ей вслед. Потом перевел взгляд на него и смутился.

– Вот тебе тема для газеты, – поучительно сказал Микушин. – Живая рок-легенда!

Сергей запротестовал:

– У меня брали уже интервью. Валентина какая-то.

– Валя-Валентина, что с тобой теперь? – блеснул золотыми зубами Микушин.

– Валя Беляева? – встрял пацан. – Так она же тупая!

– Ну да, – сказал Сергей, – и мне так показалось.

– Короче, вы поговорите, – поднялся Микушин, – мне тут надо... лохам впарить по пятерочке...

Домой ехал на 24-м автобусе, держась за поручень и уныло оглядывая салон из-под нависших волос. Усы поникли, плечо ныло от футляра с «Ямахой». Все сидячие места были заняты. Уж точно никто не уступил бы хиппарю в джинсах.

Вышел на остановке «Гостиница Москва», перешел дорогу, с облегчением вошел в прохладное фойе.

– А к вам соседа подселили, – злорадно сказала дежурная, подавая ключ.

Сергей пожал плечами и пошел к себе на третий этаж.

В номере вдумчиво причесывался перед зеркалом двухметровый детина, обернувший талию полотенцем. Увидев Сергея в зеркале, он на секунду остановился, снова провел расческой по волосам, аккуратно положил ее на полочку перед зеркалом, повернулся и протянул руку:

– Данила.

Во рту Данилы сверкнул стальной зуб.

«Почему не золотой?» – подумал Сергей. Но спрашивать не стал. Данила был не из тех, у кого спрашивают. Молча пожал руку. Снял «Ямаху» с плеча, положил на кровать.

– Музыкант? – спросил Данила, поглядев на футляр.

– Немного.

– Это хорошо. Работа нужна?

Мама Данилы много лет работала директором магазина «Цветы» на площади Ленина. Отца Данилы не знал, горя тоже. Рос любимым, обласканным, девственность потерял в седьмом классе, в 17 впервые побывал за границей, в Венгрии, по молодежной комсомольской путевке. Подружился с парой комсомолок, привез себе кожаный плащ как у комиссара Миклована. В следующий раз – пару плащей и десяток джинсов «Левис», просто про запас. Потом захватил

комсомолок, одна осталась в Будапеште, оттуда перебралась в Вену, работать по призванию. Прислала ему открытку.

– Поедешь? – спросил Сергей. Они сидели в ресторане «Сокол», за столиком рядом со сценой.

– Если туда, то с концами, – пожал плечами Данила. – А у меня тут мать.

Помолчали.

– Сам-то не думал? Инструмент в руках есть.

– Шутишь? Кому я там сдался? Там негры в переходе лучше играют.

– Это да, – не стал спорить Данила. – А что насчет здесь?

– Здесь? – Сергей огляделся по сторонам. – Да можно, чего нет. Сколько платят?

– Тридцатку за вечер как два пальца.

Сергей присвистнул.

– Ну так. Приличное заведение!

– Любимый художник – Дали? – ответсек Леня опустил листочки с машинописью, взглянул на практиканта поверх очков с толстыми стеклами. Обрамленная черными влажными волосами лысина блестела, – а любимый политик Муссолини?!

– Почему?

– Долго объяснять. Это я уберу, – он обвел прямоугольник текста ручкой, перечеркнул его крест-накрест. – И вообще что за анкета, любимый художник, любимый музыкант. Спросил бы еще «любимый цвет», или «что думаешь о хозяине этой тетради»...

– Понял, – покраснел Андрей. – Ну а вообще?

– Вообще что-то из тебя получится, наверное. Если зайца бить, как говорится...

– Напечатаете?

– А куда мы денемся!

Микушин в радиоузле был непривычно мрачен, отрывисто поздоровался, сунул в руки Сергею газету и вернулся к своим занятиям. Сергей развернул номер «Молодого ленинца». На третьей странице увидел свою фотографию с обложки миньона 1979 года – видать, отрезали от остальных и увеличили, – и броский заголовок «От „Рассвета“ до заката» (спасибо ответсеку Лене).

– Чего случилось-то? – не выдержал Сергей.

– Да Наташка куда-то пропала, – рассеянно сказал Микушин, – ничего, найдется. У подружки, наверное.

Сергей кивнул и погрузился в чтение.

«– Вашу группу часто называют эстрадниками. Говорят, что вы настоящие рокеры. А что вы думаете по этому поводу?»

– Музыка есть или нет, а кто определит, настоящая ли она? Я могу сказать, что тот наш «рок», который я слушал, это с музыкальной точки зрения колхозная самодельность. С точки зрения текста недалеко ушло. Я думаю, что «Рассвет» намного ближе к таким рок-группам, как *Deer Purple*, *Led Zeppelin*, *Foreigner*, чем «Савояры» или «Машины времени».

– Получается, вас упрекают в эстрадности, потому что у вас музыка более коммерческая?

– Как у всех популярных композиторов. Юрий Антонов пишет коммерческую музыку, Вячеслав Добрынин пишет коммерческую музыку. Да и на Западе если ты пишешь некоммер-

ческую музыку, то кому ты нужен вообще? Коммерческая музыка – это та музыка, которой хочет слушатель. Что тут плохого?

– *Вы часто ссылаетесь на Запад, но вы же понимаете, что нам их никогда не догнать...»*

– Во дает, – он остановился и посмотрел на Микушина. – Ты читал?

– Угу, – буркнул тот, упаковывая в коробку очередную катушку.

«нам их никогда не догнать?»

– *А не нужно никого догонять. Ну вот так вышло, что мы родились в этой стране, говорим на одном языке, одни книжки читали. У нас получается, может быть, хуже, чем у них, но это наш язык и наша жизнь, и другой жизни не будет, поэтому предлагаю полюбить эту». Хорошая концовка.*

– Да Андрюха молодец, – кивнул Микушин. – Это он, прикинь, в девятом классе. Не пил бы еще.

– А он пьет?!

– Пару раз видел вообще невменяемым. Вот такой вот, – Микушин согнулся, приставил ко лбу растопыренные пальцы, изобразил, как лезет бодаться. – Ладно, мне закрывать надо. Ты чего хотел-то?

– Да я тут работать устроился. Хотел тебе долг вернуть.

– Давай, – сиреневая бумажка исчезла в пудовом микушинском кулаке, – деньги всегда кстати. А где работаешь?

– В «Соколе». Приходи вечером.

– Нет, извини. Не моя компания.

Вечер начался как обычно – с Антонова, продолжился «Генералами песчаных карьеров», потом кто-то заказал «Сюзанну». Сергея уже пару раз угостили, он пел развязно, под «одессита». Заприметил в зале компанию – коротко стриженный мужичок с глубоко запавшими глазами, с ним какие-то шмары и пара дружков в костюмах, которые сидели на них как фанерные. Кивнул гитаристу и начал:

*Вернулся, мама, я домой,
Но не встречаешь ты меня,
На свете я теперь один,
Оди-и-ин на свете я-а-а!*

Мужичок в зале пригорюнился.

– *О, мама, – выдохнул в микрофон Сергей, – о, мама, где же ты, о, где же ты!*

Мужичок наклонился к приятелю, пошептал ему, тот встал и направился к эстраде нетвердой походкой. Одна из шмар обернулась и через плечо посмотрела на Сергея. Он подошел к краю сцены, предчувствуя хруст купюры.

– Сышь, лабух, – неожиданно ослабилась подошедший, – это ж ты мне очки итальянские впаривал? Маде ин Чина?

– Ты меня с кем-то путаешь, дядя.

– Это ты попутал!

Он попытался схватить Сергея за ногу, но тот проворно отступил. Из-за столика уже спешили блатные. Сергей озирался, намечая пути отступления.

– Эй, лохи! – в воздухе свистнула пряжка ремня. – Какие проблемы?

Данила, в распахнутом микловановском плаще и с огромным золотым крестом на груди, стоял между ним и блатными, покручивая ремнем в воздухе. Сергей знал, что пряжка заточена, и ей легко можно убить. Одна из шмар внезапно завизжала и тут же осеклась от короткого тычка в горло.

– Захлопнись, – мрачно сказал стриженный и скомандовал: – Валим.

– Ну все, жизни не будет теперь, – сказал гитарист и сплюнул прямо под ноги.

– Что же нам с вами делать, Сергей Николаевич? – майор сложил руки перед собой и посмотрел на Сергея лукаво-манящим взглядом. «Подбородок с ямочкой. Не иначе блядун», – отметил Сергей про себя.

– А зачем, – осторожно спросил Сергей, – нам с вами что-то делать?

Глаза майора сузились.

– А затем, – демонстративно сдерживая себя, начал цедить он, – что у меня вот здесь материала на вас... на пятерых хватит!

И слегка прихлопнул ладошкой по картонной папке перед собой.

– Посмотрим, – он открыл папку, – официальное трудоустройство отсутствует. Тунеядец...

– Не знал, что этим КГБ занимается. Хватило бы и участкового...

– Поговори мне, – огрызнулся майор, – нетрудовые доходы от музыкальной деятельности в ресторане «Сокол»...

– Каждый вечер рапортчику заполняю, между прочим. Так что...

...известном как место сбора так называемых неонацистов.

– Да вы шутите, что ли? Ну, приходят иногда панки какие-то.

– ...вот посерьезнее. Связи с антисоветски настроенными элементами.

«Сван? Аня? Да ну, бред».

– Широков Даниил Андреевич. Что-то знакомое?

– Живем в одном номере. Гостиница «Москва», улица Советская. А вы говорите, антисоветские настроения...

– Сергей Николаевич, вы клоуна-то не стройте, дело серьезное.

– Тогда серьезно и официально заявляю, ничего об антисоветской деятельности Широкова Даниила... как его там... мне не известно.

– Это что?

Жестом фокусника майор выбросил на поверхность стола видеокассету с надписью шариковой ручкой на бумажном ярлычке «КРАСНЫЙ РАССВЕТ».

– Видеокассета.

– Смотрели?

– Откуда же я знаю, что у вас там записано. Может, там «Ну, погоди».

– Я начинаю терять терпение.

– Товарищ майор, в чем претензии ко мне? Я работаю на договоре, трудовая лежит в бухгалтерии «Сокола». А по документам я вообще студент вашего кулька. Широкова я себе в соседи не выбирал, мне его администрация подселила. Можете у них спросить. Что он смотрит, что он слушает, меня не касается, его спрашивайте. Мое личное мнение, фильм – дерьмо.

– Все-таки смотрели?! – вцепился майор.

– Читал в журнале «Советский экран». Я нашим критикам верю, а вы?

– Хорошо... Что можете сказать о Широкове?

– Да мы особенно не общаемся, разные круги, знаете...

– Вы в курсе, что он занимается проституцией?

– То есть?!

– Организует вывоз наших девушек за рубеж, под предлогом трудоустройства танцовщицами, официантками и так далее.

(«Ой, что они только не поют своим мамам, – рассказывал на днях Данила, посверкивая стальным кльком, – что танцевать едут, выступать, на ресепшен, в больницу медсестрой...»)

– Вы так не пугайте, пожалуйста. Я уж думал, он сам... Это самое... П-проституткой...

Пауза затянулась.

– Скажите, Сергей Николаевич... – майор поднялся, подошел к двери, рывком распахнул ее, осторожно прикрыл и снова сел. Сказал, почти шипя: – А ты че такой борзый? Ты понимаешь, где находишься? С кем разговариваешь, м?

– Я понимаю, – так же тихо ответил Сергей, – в областном управлении КГБ. Начальник управления генерал Селиванов. Я, кстати, с его внуком хорошо знаком. На днях слушали записи запрещенных в СССР рок-групп. Назвать?

Майор посерел и обмяк.

– А чего вы мне, – забормотал он, не поднимая головы, – голову морочите тогда? Чего вы корчите из себя? Мне это все нравится, что ли, по-вашему? У меня дел других нет?

Сергей почувствовал острую, но очень недолгую жалость к майору.

– Пропуск подпишите, – сказал он, вкладывая ручку в его пальцы.

– Слушай, привези мне такой же, – попросил вечером у Данилы приятель Саша. Вдвоем они смотрелись странно – двухметровый Данила с головой и глазами рептилии, и небольшого росточка, крепенький русопятый Александр с легкой золотистой щетинкой на подбородке и под носом.

– Ты в таком же утонешь, Валерьяныч, – ухмыльнулся Данила.

– Ну ты по размеру подбери! Ты же понял!

– Да шучу я, привезу, говно вопрос.

За столиком у двери в зал становилось шумно. Подвыпившие явно несовершеннолетние парни задирали входящих. У одного, судя по всему, заводилы, на горле болталась цепочка с бритвенным лезвием. Данила мазнул по ним взглядом, оценивая риск; пока решил не решать.

– Неудобно спрашивать, но что у тебя с Иркочкой вчера вышло? – поинтересовался он. – Она мне жаловалась на тебя.

– Вот сука, – удивился Александр, – а че мне ее, уговаривать надо было? Еще и жалуется, тварь. Другая бы хвасталась, да?

Улыбнулся солнечно и светло.

– Наскочишь когда-нибудь на целку.

– Ты за меня не переживай, Данила, – осадил Саша, – я разберусь.

Колонки загудели, кто-то оглушительно откашлялся, блякнула тарелка. Барабанщик суетился над установкой. Сергей поднялся на сцену, волоча в правой руке клавиши. Вид у него был изнуренный. За столиком у входа раздался дружный вопль:

– Лабух! Дойчен зольдатен!

– Для наших... – начал говорить Сергей в микрофон.

– Дойчен зольдатен! Я, я! Ми вас будем немножко вешайт!

Раздался свист.

Компания кавказцев за другим столиком глухо роптала.

Александр посмотрел вполоборота на парней у двери, легко снялся со стула и вразвалочку подошел.

– Цурюк! – закричал на него сидящий слева кучерявый пацан с выбритыми до синевы висками и передернул затвор воображаемого «Шмайсера», – русише швайн!

– А вы че, ребят, фашисты, да? – добродушно спросил Саша, опираясь руками на стол.

– Че надо, гопник? – презрительно спросил главарь.

– Да просто услышал родную речь. Я только из Германии вернулся.

– Не пиздишь? – прищуренные глаза главаря чуть расширились.

– Бля буду. ГСВГ, слышал?

– Слы...

Саша сделал рывок и легко опрокинул на компанию стол. Кучерявый, уклоняясь, покачнулся на стуле вбок, но тяжелый кулак догнал его, и кучерявый зарылся носом в палас. Саша вытащил из обломков и объедков главного, схватил двумя короткими пальцами бритву у него на шее и приставил к подбородку:

– Слышь ты, фюрер сраный, мне поебать, кто у тебя папа, чтоб я тебя не видел здесь больше, понял меня? Замочу, на хуй, сука! Понял, бля?!

Фюрер, стараясь не дергать челюстью, кивнул.

– Убью – на – хуй, – повторил Саша. Медленно и отчетливо.

Возвращаясь за столик к Даниле, посмотрел на сцену, сжал руки в замок:

– Маэстро, ваш выход!

Кавказцы, цокая и поднимая руки, выразили горячее одобрение поступку Александра.

– Ну ты молоток, – восхитился и Данила с оттенком презрения, – навел порядок. Может, тебе в милицию пойти?

– Может, и пойду! – Саша убрал рукой прилипшую ко лбу светлую прядь. Только испарина на лбу выдавала, что он несколько напряжен.

– Для нашего гостя из демократической республики Германия звучит эта песня, – сказал в микрофон Сергей и пробежался пальцами по клавишам.

Нарисованы актеры,

Музыканты и танцоры,

Отчего белее мела

Их встревоженные лица?..

Саша расплылся в улыбке, глядя на Данилу с чувством наивного превосходства. Будучи довольно неотесанным человеком, он не умел выражать свои чувства, потому так никогда и не признался Сергею, что был страстным поклонником «Рассвета» с двенадцати лет и даже когда-то учился петь «под Кузнецова», с хрипотцей.

– Так давайте веселиться и кружиться в танце вместе... – напевал Данила, выйдя из кабака. До гостиницы было кварталов пять, он решил пройти через горсад. Тени решетчатых ворот качнулись перед ним, как будто приглашая внутрь. Фонари в саду не горели, мрачно громоздилась на фоне темно-синего неба церковь, переделанная в краеведческий музей. Облезлая собака пробежала, вихляясь, из тени в тень, не спуская с Данилы больных желтых глаз.

Он лишний раз поразился пустоте этого города, причем пустота эта была злая, напряженная, готовая сожрать. Это не была идиллия, это не была утопия, это была черная дыра, тянущая в себя все со свистом, не оставляющая никому и ничему ни малейших шансов выжить.

– Эй, длинный! – по аллее его догоняли трое мужиков. Данила оценил шансы и бросился бежать, мысленно ругая себя матом за беспечность. Троица вскинулась, застучала ногами

по битому асфальту. Луна запрыгала над ними. Даниле оставалось метров двадцать до калитки, а там Маркса, машины ходят, свет фонарей, мама...

Выступивший из темноты коротко стриженный мужичонка сунул руку ему в живот, и Данила, как будто пораженный внезапной мыслью, замер на месте, затем сложился вдвое и боком упал на землю.

Первый из преследователей, набегая из темноты, от души пнул Данилу в голову. Двое других, запыхавшись, остановились и выжидающе смотрели на стриженного.

– Джинсы снимите с него, – тихо приказал тот, – только смотрите не замарайтесь.

Заплаканная официантка Ира вышла из палаты и столкнулась с Сергеем, одетым в нелепый халат. Сергей держал в опущенной правой руке букет красных роз. Сказать что-нибудь не успел – Ира вновь залилась слезами и умчалась, подвывая на ходу.

Данила на больничной койке, спеленутый бинтами, был странно юн, глаза, обычно горящие углями из-под густых бровей, едва поблескивали, профиль казался выбеленным с сиреневой кляксой у виска. Сергей взял с желтого маленького холодильника пустую двухлитровую банку, зашел в туалет, наполнил ее, поставил цветы. Данила безучастно наблюдал.

– А хорошо у тебя, – сказал Сергей, – отдельная палата, туалет свой, холодильник. Шикуюшь!

Данила не сделал даже попытки улыбнуться.

– Крест, суки, сняли, – бормотнул он.

Данилу обнаружили случайно, какая-то дворняга выла над телом. Раздетый, с большой кровопотерей, он бы вряд ли прожил дольше пары часов. Ночь была холодная. Неделю провалялся в реанимации. Врачи сказали – повезло, что мозг не умер.

– Уеду я, Серега, – помолчав, сказал Данила. – Ну его нахер, такие приключения. Поехали со мной?

– Чего я там делать-то буду?

– А здесь ты чего делаешь?

Сергей взял банку с розами, аккуратно поставил на середину тумбочки, поправил кончиками пальцев.

– Открытку пришли.

Спустя полгода на колхозном рынке к армянину, торгующему кожей, подошел невысокий блондин и поинтересовался висевшим наверху плащом.

– Тебе велик будь-ет, – хмуро ответил армянин.

– А ты покажи, – усмехнулся блондин.

Когда тот потянулся шваброй к плащу, блондин сзади коротко ударил его раскрытыми ладонями по ушам, быстро втащил тело вглубь каморки, запер дверь изнутри.

Очнулся армянин привязанным к стулу, на столе уже дымился паяльник, терпко пахло канифолью.

– Скажи мне, Сурен, откуда у тебя этот плащ? – вкрадчиво спросил блондин. Рука его, с короткими веснушчатými пальцами, лежала на столе, сантиметрах в пятнадцати от рукоятки паяльника. Пальцы чуть постукивали по крышке стола. Сурен не мог отвести глаз от этих пальцев.

Через полчаса Саша Солдат знал все, что хотел узнать. От Сурена проку больше не было, так что его Саша удавил, а паяльник оставил включенным. Найдут обгоревший труп хача, никто вдаваться не будет.

Блатных он вычислял потом еще недели две. Вычислил.

В дверь номера постучали. Сергей, валявшийся на кровати в ботинках, осмотрелся, не нашел, куда спрятать зажженную сигарету, и вернул ее в рот. Стук повторился.

– Не заперто! – крикнул Сергей.

В номер с достоинством и немного скорбно вошел Валентин Аронович Шухман.

– Сережа, – сказал он и замолчал.

– Присаживайтесь, – кивнул Сергей на вторую кровать. Валентин Аронович сел. По телевизору показывали очередной повтор программы «Вокруг смеха» с участием группы «Рассвет».

– Говорят, когда эта группа выступает в маленьких городах, там вынуждены отключать электричество для жилых домов, школ и больниц! – флегматично острил длинноносый ведущий. Затем сцену застилали клубы дыма. Из клубов выступало мужественное лицо Игоря, державшего гитару с двойным грифом так небрежно, словно он только что переиграл всего Блэкмора и подбирается к Хендриксу. Игорь открывал рот и пел голосом Кузнецова:

– В жизни каждого из нас

Наступает этот час,

Бьет азарт или кураж —

Впереди крутой вираж!

На вираже-е! Где тормоза сдают уже...

– Выключи, пожалуйста, – попросил Валентин Аронович. – Я пришел не ругаться.

Сергей вздохнул, поднялся с кровати и выключил телевизор.

– Ты знаешь, что они весной на гастроли приезжают?

– То есть? – глупо удивился Сергей. – Вы меня порадовать пришли?

– Без обид, Сережа. Мне надо делать кассу, а у меня кроме Театра на Таганке – честно скажу, с ужасной халтурой – ничего нет. На Таганке хоть что-то можно заработать. А остальное голый тухес, прости за прямоту. Но я по другому поводу.

– И по какому же?

– Я недавно был в «Соколе», совершенно случайно. Отмечали юбилей товарища.

Сергей опустил голову и сжал кулаки.

– Сережа, скажу тебе честно...

– Валентин Аронович, вы вообще самый честный человек, которого я знаю, – проговорил Сергей, глядя на собственные руки, – вы все время говорите честно и прямо.

– Улавливаю некоторый сарказм! И тем не менее дослушай, пожалуйста. Ты знаешь, я никогда не был поклонником вашей группы...

– Н-ну тогда и нечего...

– Дослушай, пожалуйста. Я потом приходил еще дважды. Чтобы понять, что я не ошибся.

Сергей вскинул брови.

– И вот что я тебе скажу. При всей твоей кабацкой халтурности и хулиганстве ты потрясающе делаешь старые вещи. Потрясающе.

– Старые – это...

– Это... неважно! Все старые вещи. Сережа, ты понял главное! Я разденусь? – Валентин Аронович, не дожидаясь разрешения, скинул с себя пальто, начал жестикулировать. – Но ты сам не понимаешь, что ты делаешь! Я скажу тебе, что ты делаешь. Ты делаешь блюз, Сережа. Они, дураки, не понимали, что делают блюз. Они давали лирику. А ты даешь лирику, но ты даешь нерв, и это потрясающе. Потрясающе.

Сергей впервые за долгое время был действительно смущен. И растроган. «Потрясающе», – насмешливо повторил он про себя. Но смешно не было. Было приятно. До слез.

– Сережа. Ты прости меня, но ваш «Рассвет» дешевка. Прости меня за эту откровенность. Я старый айд, я могу себе позволить откровенность? Это эстрада. Это не рок, не поп, не жоп, это хуже, это советская эстрада. А тебе надо расти. Ты будешь делать блюз. Первым в этой стране. Что? Почему ты смеешься? Петь в захолустном кабаке – предел твоих мечтаний? Не беспокойся о деньгах, мы найдем деньги. И здесь ты жить не будешь. Ну как? Сережа? Ну что ты смеешься?

Валентин Аронович поспешно налил воды из графина и протянул стакан Кузнецову. Зубы Сергея стучали о край стакана.

Валентин Аронович взялся за дело споро. Он забрал трудовую Сергея из ресторана, выбил ему ставку в филармонии как эстраднику, поселил в сталинской двушке с четырехметровыми потолками, украшенными лепниной. На вопрос, чья квартира, сердито отмахнулся – мол, не бери в голову лишнего. Буквально напротив был кинотеатр «Россия» – тот самый, где по понедельникам показывали фильмы «не для всех», а для Ани со Сваном. А через перекресток – горсад и Дворец пионеров, возле которого убивали Данилу. Город завязывался вокруг Сергея узлом.

За основу программы Шухман предложил взять старые песни Саульского, Тухманова, Слободкина. Но в блюзовой обработке. И постепенно «нарабатывать» свои. В чем были плюсы – большую часть программы не надо было литовать. Что касается новых песен... с этим-то и была главная проблема.

– Сережа, – говорил Шухман, сцепив руки под подбородком, – что тебя по-настоящему волнует? Что у тебя сидит вот здесь? – и он гладил себя по объемистому животу.

Сергей пожимал плечами.

– Послушай вот это, – говорил Шухман и подсовывал ему, уходя, очередную пластинку Дайны Вошингтон или Нины Симоне.

– Но они же на английском поют, – злился Сергей, – и б-б-бабы!

– Сережа, – Шухман укоризненно качал головой, уже стоя в дверях, – просто послушай. И тихо спускался по лестнице.

– *В-в-в ночи*, – рыкнул Сергей. Шухман наострил уши, – *глухой! Иду – с тобой! Туда – где не ждут!*

Соло.

– *В ночи – глухой! Поет прибой. Но тебя не найдут!*

Шухман насупился. Сергей тряхнул волосами, раскатился по фортепиано:

– *Я могу тебе сказать, что ты мне снишься,*

Я могу теперь сказать, чего ты боишься,

Ты умоешься волной, и я не узнаю,

Что ты бегаешь за мной, а я проклинаю

*Тот день,
Когда
Текла
Вода
С небес
На нас
В последний
Раз!*

– Да, – сказал Валентин Аронович, пожевав губами, – ну, авторов мы тебе поищем. А музыка хорошая! Еще есть?

Потянулись зимние серые дни творчества и вдохновения. Пить Шухман запретил. Журналисты не вспоминали, что был такой Кузнецов. Видеться со Сваном было как-то неудобно. Еще более неудобно было перед Аней. Данила уехал. Компанию Сергею составлял время от времени гитарист из «Сокола» Дима Гусицкий, проще Гусь. Но Гусь был классический музыкант, то есть человек конституционально глупый. При этом музыку он тоже не очень-то любил, хотя играть умел в разных жанрах. Это Сергея всегда поражало. Единственная страсть была у Гуся – это бабы. И они отвечали ему взаимностью. В кафе «Снежинка», в гастрономе «Центральный», в автобусе – везде, где были женщины, Гусь, далеко не красавец, пускался с ними флиртовать, и они с удовольствием отвечали. Это было удивительно.

– Чем ты их берешь? – как-то поинтересовался Сергей.

– Я – веселый человек, – мрачно ответил Гусь. – А ты ханурик, у тебя морда кислая. Поэтому тебя никто не любит.

Однажды на улице Сергей увидел Микушина, причем произошло это ровно через секунду после того, как он подумал, что не хотел бы его видеть. Сергей знал о несчастье с его дочкой. Микушин, несмотря на приличный минус, шел по улице Ленина в короткой джинсовой куртке с меховым подбоем и без шапки, он постригся, похудел и выглядел очень фирменно. Даже взгляд у него был какой-то нездешний – одновременно отстраненный и острый, как будто человек давно все понял, и рассказывать ему что-то бесполезно. Они прошли в метре друг от друга. Сергей потом долго думал, не обознался ли.

– Жизнь сама подсказывает тебе темы для песен каждый день, – говорил Шухман на очередной репетиции, – а ты все хочешь уйти в какую-то абстракцию, море, луна, прибой. Скажи мне, где ты тут видишь море, луну и особенно прибой?

– Я же не поэт, Валентин Аронович, я вообще этого не умею! – отбивался Сергей. – Это вам Высоцкого надо слушать.

– Ну ты сравнил, – затмился Шухман, – себя с Высоцким!

– Так в-вот именно, что я не сравниваю!

– Это правильно, да. Молодец. Но насчет текстов подумай! Почитай!

И сунул в руку томик «Американской поэзии в переводах». У Сергея уже собралась небольшая библиотечка – сборники иностранной поэзии, Бернс, двухтомник Аполлона Майкова...

– Я тупой, – повторял Сергей, раскачиваясь на стуле перед фортепиано, – я тупой. Я тупой.

И упирался лбом в черную лакированную деку.
Меланхолично бросал пальцы на клавиши:

*– Для меня нет тебя прекрасней,
Но ловлю я твой взгляд напрасно.
Как виденье, неуловимо
Каждый день ты проходишь мимо...*

Шухман хмурился за дверью.

– Но я верю, что день настанет, – голос нарастал, – и в глазах твоих лед растает-ет, летним зноем вдруг станет сту-у-ужа, и пойму, что тебе я нужен! Д-д-да блядь!..

– Сережа, – Шухман деликатно постучал в косяк, – будет очень странно, если я приглашу тебя в кино. Поэтому я не приглашаю. Но у меня есть билет, который я тебе дам. Сходи, пожалуйста.

В розовом зале «России» Сергей заметил Свана, тот радушно кивнул.

На экране красивая женщина в черной косынке и в черных очках курила сигарету. Взлетали голуби. Бесился тюль. Дэвид Боуи кричал страшным голосом. Девочку-скрипачку ели вампиры.

Сергей посмотрел, нет ли поблизости майора.

Он лежал на двуспальной кровати с чугунными шарами в изголовье, смотрел в потолок с лепниной и чувствовал, что засыпает. Взгляд скользил по потолку. Книжка выпала из рук. Жить не хотелось. Умереть тоже. Было такое странное состояние невесомости, неуместности... «А я давно уже там», – подумал Сергей. «Подожди-ка...» Он схватил ручку со стола.

*А я давно уже там,
Я там... навсегда и всегда...
Слепящие зеркала,
Светящаяся вода.*

*А я пока еще здесь
Устраиваю дела...
Непроницаема жесть
И штукатурка бела.*

*А я гляжу на себя
Сквозь белые облака —
И светлые взоры мои
Скользят вдоль потолка.*

Вдоль, вдоль потолка...

– он уже пел. Мелодия пришла сразу, он даже не мог понять, что появилось сначала.

Сергей испытал мучительный восторг, как будто его душа была грязным и мутным стеклом, по которому провели мокрой тряпкой. Его пальцы шевелились от возбуждения. Он не мог понять, плакать хочет или смеяться, и радостно всхлипнул. Затем перевернул страницу в блокноте и занес ручку над чистым листом.

Это было совсем другое, чем тогда для «Рассвета». Невозможно было даже сравнивать.

Ты ходишь по комнате, голый совсем,

Беспомощный и ничей.

Ты в этой гостинице голый совсем,

А номер пустой и ничей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.